

ZOTOB®

Редакционно-издательская группа
«Жанровая литература»

представляет книги Зотова

цикл КАЛАШНИКОВ & МАЛИНИН

Ад и Рай
Демон плюс
Минус ангел
Элемент крови

цикл АГАРЕС & АВАДДОН

Апокалипсис Welcome
Апокалипсис Welcome. Страшный Суд 3D

цикл ТАКОГО ВЫ НЕ ЧИТАЛИ!

Москау
Сказочник

цикл КИРИЛЛ & МИЛЕНА

Республика Ночь

цикл АЛИСА & КАЛЕДИН

Печать Луны
Череп Субботы
Скелет бога

Айфонгелие

Тиргартен

ZOTOB®

Тиргармен

Издательство АСТ
Москва

Часть первая

ТОТЕНКОРФ¹

Охота на оленей являлась бы замечательным спортом,
будь у оленей так же на вооружении винтовки.

Уильям Гилберт, английский драматург

Пролог

Тьма непроглядная. Зажмурься, открой глаза — вообще не отличишь. Зато я слышу всё. Дыхание. Хруст веток. Стук капель по листьям. Дождь, её спасение, откровенно мешает мне... Эх, сюда бы пару мощных прожекторов, но... нет, пользоваться ими не по правилам. Она не могла уйти — наверняка замерла где-нибудь у корней дуба потолкаше, обессиленная, перепуганная, в панике вглядывается во мрак. Туфли я уже нашёл — сначала одну, со сломанным каблуком, затем вторую: даже не догадалась их сразу снять. Не поленился, подобрал: первую я увезу домой и сожгу, а другая понадобится тут. На сучьях — клочки одежды... Платье явно изорвано, ноги исцарапаны, сбиты и кровоточат. Но не стонет — боится обнаружить себя. Молодец.

Вдали слышится сильный грохот, земля упруго пульсирует. Ой-ой. Мне пора торопиться — времени осталось не так много. Иди-иди сюда, лапочка. Я заждался.

¹ Мёртвая голова (нем.). — Здесь и далее примеч. автора.

ТИРГАРТЕН

Свет фонарика выхватывает из бездны скрюченные ветви.

Ночной лес страшен. Мой главный детский кошмар — взрослые забыли меня во тьме, где у деревьев морщинистые лица, а дупла — это пасти с кривыми, обломанными зубами. Сучья обнимают шею, врезаются острыми краями сухие листья, и никто не слышит моего предсмертного крика. А теперь я здесь — словно рыба в воде. Фонарик часто включать не рекомендуется. Увидят *они* — жди неприятностей. Нет, я люблю адреналин, обожаю, когда он бурлит в крови, для этого и взялся за дело... Но всё же не до такой степени. Я запрокидываю лицо, наслаждаясь погодой. Ледяные струи льются мне на лоб, стекают по щекам. Свежо и холодно. Я весь обращён в слух. Шорох слева. Слышу его сквозь дождь. Пятно света скользит по кончикам ушей убегающего зайца. Чёрт, ведь совсем близко. Неужели я удалюсь ни с чем? Быстро иду дальше, отводя от глаз ветки, стараясь не поцарапаться. О! Вот! Вымокшая голубая материя. Ещё один лоскут, застрявший в коре. Душа ликует. Да. Да! Она не уйдёт. Инстинкт (а он меня никогда ещё не подводил) ведет прямо. Ничего сложного. Я растворяюсь внутри леса, вижу мир его глазами, вдыхаю кислород всеми листьями... и ощущаю присутствие беглянки.

Интуиция не обманывает охотника.

Пригнувшись, я скольжу вперёд — сильно и быстро, как волк. Опять толчок снизу, и нервная дрожь земли. Пора заканчивать. Отстёгиваю фляжку от

пояса. Делаю основательный глоток. Солоноватый вкус, тепло разливается по телу... хорошо-о-о. Скупю щёлкаю кнопкой фонарика. Ага, ветка сломана. Всегда представляй себя на месте тех, кого ищешь. Где бы ты сам спрятался? Хм. Либо в зарослях вроде малинника, либо за стволом толстого дерева — дуба или баобаба. Ну, баобабов здесь нет (о, в своё время я повидал их более чем достаточно). Дуб я уже упоминал. Хочется ещё выпить, но я туго завинчиваю крышку: и так позволил себе лишнее, пряный запах глушит и обоняние, и восприятие леса. Но... захотелось чуточку насладиться. Господь всемогущий, как же холодно — а ещё весна! Я не опасуюсь, что она выбралась из чаши. Это бывшие охотничьи уголья, раньше сюда приезжали на весь день — вволю гоняться на лошадях за косулями. Днём-то легко заблудиться, а уж ночью — и вовсе милое дело. Я заранее присматриваю дичь. Слежу за её логовом, наблюдаю: уходит дня три-четыре, иногда и вовсе неделя. Дело обстоятельное, торопиться ни к чему. Я человек честный, не стану лукавить, будто мне всегда везёт... Что поделаешь, таковы правила игры. Однако этой ночью удача будет моей... Говорю же, я чувствую. Опускаюсь на четвереньки — ладонями в мокрую грязь. В позе хищника, вынюхивающего добычу, мне проще будет распознать жертву...

Дождь внезапно, за секунду, заканчивается.

Последняя капля падает в лужу. Буль. Я улыбаюсь. Боги явно открыли мне рог изобилия. Сквозь тучи ярко блестит луна — это не фонарик, слепя-

ТИРГАРТЕН

щий тебя же. Серебряное сияние длится совсем недолго. Однако вполне достаточно, чтобы я успел увидеть... Ха, да она же совсем рядом! Метрах в десяти, как я и предполагал, вжалась спиной в толстый ствол. Закрылась большой еловой лапой, вот голубое и незаметно. Наши взгляды пересекаются. Она испускает громкий визг, поворачивается и бросается наутёк. Прекрасно. Пусть паникует, не разбирает дороги, мне это на руку. Я следую за ней — быстро, плавно: сказываются ежедневные пробежки. Не задыхаюсь, в ногах нет боли. Буквально на ходу (неудобно, но уже привык) натягиваю перчатки. Дичь оборачивается (они иначе не могут, чтобы не посмотреть назад... бедные животные), со всего маху врезается лицом в здоровенную сосну и падает. Подняться не успевает — несколько прыжков, и я у цели. Отлично. Смотрю на часы — надо же, всего сорок пять минут поисков... прямо горжусь собой. Женщина истошно кричит — я не возражаю. Какой смысл в охоте, если существо не верещит, а угрюмо смотрит исподлобья? А ведь она может и броситься. Терять ей нечего, такое бывало... Что ж, как-нибудь справлюсь. В самом-то деле, не в первый же раз.

Взвивается в воздух. Прыгает на меня. Всё как я ожидал.

Бью особь в живот. Та предсказуемо складывается пополам. Падает. Кричать уже не может. Закономерно. Наматываю её волосы себе на руку (стараюсь выбирать «длинногривых», стриженные мне не нужны), голова запрокидывается. Мы смотрим

друг на друга — глаза в глаза. Промолчит или будет умолять о пощаде? Хотелось бы, конечно. Иначе нет полного удовольствия. Увы — ни слова. Сорвала голос воплями, прерывисто сипит. Я встаю позади неё, достаю из-за пояса заточенный дома охотничий нож и одним движением перерезаю ей горло. Вновь светит луна. Я вижу, как огромные листья папоротника орошает струя крови — бьёт толчками, очень сильно. Дичь хрипит и дёргается, пытаюсь расцарапать мои руки ногтями. Бесплезно — на мне перчатки почти до локтей из жёсткой, отлично выдубленной кожи. Я всё предусмотрел. Меня называют нудным и чересчур техничным, и это чистая правда... Зато я избегаю совершенно ненужных проблем. Как можно меньше следов — даже если её не найдут. А такой шанс тоже есть, сейчас её соседям явно не до вопросов, куда пропала милая девушка, — каждый день люди исчезают сотнями, ад в городе творится кромешный.

За мгновения до смерти дичь чрезвычайно сильна.

Непроизвольные конвульсии, лупит во все стороны кулаками — случается, наносит болезненный удар. Я терпеливо жду. Жертва вскоре затихает, руки повисают плетями. Чудесно, готова. Предстоит весьма хлопотное занятие, но иначе трофей не добудешь. Приступаю. Ладонь быстро затекает, не так-то просто пилить ножом, даже с мелкими зубчиками по краю лезвия. Хруст позвонков. Ещё немного. Уф, наконец-то. Я кладу голову рядом с туловищем, достаю из ягдташа холщовую сумку,

ТИРГАРТЕН

бережно упаковываю сувенир. Дома ожидают дела. Искупать, залить спиртом, спрятать в безопасное, далёкое от любопытных глаз место, пока я организовываю транспортировку. Мне нужна неделя, не больше. Подобралась великолепная коллекция — жаль, что хвастаться можно только истинным знатокам охоты. Раскрыв напоследок ягдташ, я люблю остекленевшим взором мёртвой особи. Какой замечательный экземпляр самки. Мой типаж — примерно двадцать лет, светлые волосы, худенькая... Я всегда выбираю стройных, толстухи ведь далеко не убегут, и тогда теряется весь смысл охоты, ощущение азарта и преследования. Завязываю горловину мешка, забрасываю сумку за плечи, бодро двигаюсь через лес. Мне больше ничего не нужно. В крови — просто бешеное количество адреналина, хочется кусать губы и орать от восторга. Снова начинается дождь, и я счастлив. Крови на меня попало мало, а ливень и остатки смоеет — вид будет нормальный. Мои документы полностью в порядке: полицейские, если я их встречу, ничего не заподозрят. Вновь дрожит земля — первые дни очень сбивало с настрое, но со временем я привык. О боже, кто бы знал, насколько тяжело отследить дичь, поймать, привезти сюда, выпустить на природу... и какой чудовищный риск быть арестованным. Ежеминутно. Ведь случись чего, со мной и церемониться не станут. Но иначе — какой же я охотник? Голова самки в мешке приятно оттягивает руку. На моих губах играет нежная улыбка.

Я выхожу на поляну, где меня ждёт автомобиль.

Достаю из багажника изящную табуреточку. Ставлю на неё левую туфлю. Приподняв за ножки, отодвигаю от себя. Смотрится шикарно. Вот ей-богу.

Окончание охоты всегда восхищает. Лучше лишь предвкушение следующей дичи.

А я уже знаю, кто ею станет. Да. Определены и имя, и адрес. Отличная кандидатура. Требования всегда одни и те же — мускулистая, грациозная, словно газель. Обязательно задаст мне жару, петляя между деревьями. Только вот жаль — ничего у неё не получится.

Глава 1 ДИСНЕЙ

(Берлин, район Тиргартен, 25 апреля 1945 года)

Шуцман был молоденький, судя по виду, мобилизованный совсем недавно. Тощий, бледный, настоящий доходяга, с трудом удерживающий на плече тяжёлую винтовку: изо рта шёл пар, от промозглого холода его пробирала дрожь. Завидев приближающегося человека в чёрной форме (тот шёл вразвалочку, не торопясь), парень взволновался. Мужчина в возрасте за сорок, среднего роста, полностью седой, с чёрной повязкой на левом глазу (как у пирата), из-под ткани на щёку «спускается» белый шрам. Сразу понятно — прибыло важное начальство: из министерства или самой рейхсканцелярии.

— Хайль Гитлер!

ТИРГАРТЕН

— Хайль Гитлер, любезный. Не надо так трястись, я не укушу. Внимательно рассмотри моё удостоверение. На него гляди, а не на меня, пожалуйста. Вот тут, видишь печать? «Крипо», бюро «вэбэ», комиссар Вольф Лютвиц, специальные расследования. Хорошо запомнил, правда? Ах, какой молодец. Давай показывай, что у нас случилось плохого.

Шуцман вернул аусвайс дрожащей рукой. Ему было не до шуток.

— Я ничего не трогал, господин гауптштурмфюрер¹. Нас строго предупреждали... если труп, то прохожих не допускать, не прикасаться, позвонить с ближайшего телефона в криминальную полицию, следовать её указаниям. Я действовал по инструкции.

«Иисус добрейший, какая же у нас чудесная страна, — мысленно усмехнулся Вольф. — Самое позднее через пару недель над столицей рейха будет развеваться русский флаг, а парень искренне боится, что ему влетит по службе».

Он выдавил улыбку, благосклонно потрепав запуганного шуцмана по щеке.

— Я без претензий, мой мальчик. Веди меня, я весь в твоём распоряжении.

Щёлкнув каблуками, полицейский направился в глубину леса. Вольф шёл за ним, вдыхая прохладный утренний воздух и слушая канонаду, доносящуюся с севера. Сегодня русские вошли в пределы

¹ В криминальной полиции нацистской Германии, расследующей тяжкие уголовные преступления, для следователей были приняты звания СС.

Берлина — и, как обещает доктор Геббельс, скоро неминуемо найдут здесь свою могилу. Ибо каждый германский дом встанет на пути славянских варваров несокрушимой крепостью, и каждый немец, от младенца до старика, возьмёт в руки оружие, подобно древним викингам. Вольфа, впрочем, это уже нисколько не волновало. 3 февраля 1945 года, во время самого страшного авианалёта американских бомбардировщиков Б-24 на город, заживо сгорела его жена Гертруда вместе с их десятилетними детьми — девочками-близнецами Анной и Катрин. Он даже не смог опознать мёртвые тела близких: могильщики показали ему яму с сотней обуглившихся трупов — в ту ночь в Берлине погибло 25 000 человек. Через два месяца бесконечного пьянства вместо сна Лютвиц спокойно пришёл к выводу, что лучше всего застрелиться. Так бы он и сделал... если бы не *Дисней*.

— Вот девушка, господин гауптштурмфюрер.

Обезглавленное тело полулежало, привалившись к сосне. Вольф присел на корточки, внимательно осматривая труп. Изодранное в клочья грязное голубое платье. Молочно-белые босые ноги ниже колен исцарапаны и сбиты до синяков, на ступни вообще лучше не смотреть... но придётся. Ногти на руках ухожены, хороший маникюр, женщины остаются женщинами даже во время войны. Если судить по коже обезглавленного тела, покойной лет двадцать. Ни капли крови. Дождь за ночь всё смыл, а заодно и следы... собака не пригодится. Вольф встал и, не сдерживаясь, выругался — несколько раз подряд.

ТИРГАРТЕН

Худосочный шуцман вздрогнул, воззрившись на него.

— Ну, кто на этот раз, шеф? — весело спросили сзади. — Я надеюсь, слонёнок Дамбо?

Заместитель Вольфа по отделу, унтерштурмфюрер Вилли Хофштерн, подошёл неслышно — привычка, оставшаяся с разведроты на Восточном фронте. Вольф уловил сильный запах алкоголя, но не высказал недовольства по этому вопиющему поводу — сейчас не только в «крипо», а и на позициях офицеры из аристократов не могут без дешёвого шнапса. Громыкнуло совсем рядом, однако Вилли не сделал попытки пригнуться. Лютвиц повернулся к нему — без улыбки. Бледные щёки Хофштерна пылали красными пятнами ввиду употребления минуту назад полутора сотен граммов шнапса, светлые пряди волос прилипли ко лбу. «Парень запасливый, наверняка и для меня что-то осталось», — хмыкнул Вольф.

— Дай-ка глотнуть, — без обиняков попросил комиссар.

Не стеснясь шуцмана, гауптштурмфюрер основательно приложился к фляжке Вилли.

— Нет, — мотнул он головой. — Если не ошибаюсь, сегодня у нас на блюде Золушка.

— Потрясающе, — поднял брови Хофштерн. — Жаль, что парень никак не обратит внимания на Бэмби. Вообрази себе славную картину — девушка, одетая оленёнком, с пристёгнутыми рогами, несётся через парк, а вслед за ней скачут удалые охотники.

Вольф криво усмехнулся и влил в рот ещё шнапса.

— Сцена довольно типичная для прошлых охотничьих выездов Диснея, — вытерев губы, сообщил гауптштурмфюрер. — Заранее выслеживает девушку. Как правило, из небогатой семьи, телефонистку или машинистку в маленькой конторе, лет двадцати от роду. Не сильно поблизости — тут мало кто живёт, в Тиргартене половина домов разрушена. Ждёт, пока жертва ляжет спать, и тишайше взламывает замок. Угрожает — скорее всего, оружием. Заставляет переодеться в одежду героини диснеевского мультфильма: барахло приносит с собой, либо ищет у девушки нечто похожее в гардеробе. Затыкает рот кляпом или усыпляет малой дозой хлороформа. Привозит в парк Тиргартена и выпускает, а затем... охотится на неё, как на животное. Он очень хороший специалист, Вилли, профессиональный. Грамотно загоняет дичь. Ему неинтересно сразу взять и убить — радуется сам процесс. Девушка бежит через весь лес, прячется, он её обязательно находит и отрезает голову. Пятый случай за последние три недели. Тех четверых опознали родственники — родинки на теле, шрамы от аппендицита не тронуты.

— Фриц так и наши головы скоро снимет, — тихо, чтобы не слышал шуцман, сказал Вилли.

Фрицем они звали главу криминальной полиции рейха («крипо») — оберфюрера СС Фридриха Панцингера, назначенного на пост после «предательства» прежнего начальника Артура Нёбе, недальновидно принявшего участие в июльском заговоре против великого фюрера. Самого Нёбе казнили со-